

Глава 1

HERACLEUM. БЛАГИЕ НАМЕРЕНИЯ

Домбай-Ульген.
Векового льда печаль.
Голубой подлунный дым.
Невысокая арча,
У дувала горка дынь,
Буйный тезка мой борщевик
И отара на горе...
Эхо повторило крик
В тишине. На заре...
Чьи следы в густой траве?

*Стихи Гектора Борцова
из «Кавказской тетради»,
не прочтенные Кате*

Июль 1951. Кавказ

Они стояли в густых труднопроходимых зарослях, отрезанные от всего мира. Над их головами на высоте четырех метров сплетались белые соцветия, схожие видом с опрокинутыми куполами. Толстые зеленые стебли напоминали трубы органа, изумрудные листья поражали изощренной вычурностью и совершенством форм.

— Гиганты. Каковы, а? — Профессор обернулся к аспирантке. — Великолепные экземпляры. Здесь произрастают лучшие образцы, чем в окрестностях Налчика.

— Семейство Зонтичные, подсемейство Сельдерейные, — словно на экзамене выпалила двадцатилетняя аспирантка в соломенной шляпе, мужских рабочих брюках и яловых сапогах,

купленных на кисловодском базаре. — Heracleum. Борщевик Сосновского. Названный в честь вашего учителя. Описание не передает всю его красоту.

— И природную мощь. Какая могучая биомасса! — Пятидесятилетний профессор ботаники и руководитель экспедиции задрал голову, созерцая гигантские растения. — Воплощенная красота, да, вы правы... Она внушала трепет моему учителю. Я начинал у Сосновского студентом в ботанических садах Тифлиса еще в конце двадцатых. Он был одержим прелестью цветов, деревьев, трав... Часами созерцал лепестки магнолий, плывущие по ручью, зелень кипарисов сквозь струи водопада бывших царских садов и разнотравье. Меня же в годы ученичества привлекала не пустота красоты, но польза, которую может принести людям щедрость природы. Перед нами сейчас ее дар, способный накормить столько...

— Скотов. То есть я хотела сказать — коров, овец, свиней. Многообещающая силосная культура, полезная народному сельскому хозяйству и животноводству. — По тону двадцатилетней аспирантки с трудом угадывался смысл, вложенный во фразу.

— Естественно, в вашем возрасте красота важнее. Не ехидничайте, — пятидесятилетний профессор усмехнулся, он явно рисовался перед юной помощницей. — Надо позвать рабочих с лопатами. Выкопаем одного из этих титанов. Я хочу изучить подробно и описать сей кавказский мегаэкземпляр от корневой системы до соцветий.

Он властно взял аспирантку за руку, собираясь вывести ее из зарослей. И увидел на ее кисти багровое пятно от запястья до пальцев.

— Что у вас? Дерматит?

— Сама не знаю. Появилось после нашего похода в горы. И здесь тоже, — она показала ладони с пятнами, смахивающими на следы ожога. — Я рвала листья и соцветия для гербария без рукавиц. Ничего не болит.

— Вернемся в аул — обработаем, — высокий профессор наклонился, заботливо осматривая ее руки.

— У вас тоже красные пятна. На щеке и на шее.

— На меня брызнул сок борщевика, когда мы третьего дня шли по склону горы сквозь заросли, — профессор потер небритую щеку. — Чешется сейчас ужасно, я решил, меня кто-то укусил.

— Нет, не укус и не загар, — аспирантка робко дотронулась пальцами до его щеки. Легкое касание...

Полуденное солнце пекло, пробиваясь сквозь свод белых соцветий борщевика Сосновского, рисуя причудливые узоры на листьях. На их запачканной землей одежде. На их лицах.

В тишине гудели пчелы. И вдруг...

Аааааааааааа!

Громкий истошный крик разорвал солнечную тишину. Горное эхо подхватило его, разнесло.

Они поспешили прочь из зарослей, выбрались на склон, откуда открывался потрясающий вид на окрестности. На фоне голубого неба вдали сияли льды горной вершины. Дикая роза оплетала кусты на окраине кукурузного поля, за которым виднелся аул. Вдоль склона вниз по тропе бежали двое мужчин, они кричали, махали руками. Рабочие ботанической экспедиции, разгружавшие инвентарь и лопаты из вьюков лошадей, что-то оживленно, тревожно обсуждали.

— В чем дело? — спросила аспирантка. В отличие от профессора ботаники, своего научного руководителя, она не понимала языков Кавказа. А профессор с юности знал наречия здешних мест.

— Они говорят: нашли еще одно тело в зарослях. Девушка пропавшая — дочка начальника почты. Она мертва. — Профессор громко обратился к бегущим по тропе мужчинам.

Те остановились. Указывая в сторону зарослей таких же гигантских борщевиков Сосновского на обочине кукурузного поля, хрипло кричали, объясняя.

— Что там? — Общая тревога захлестнула аспирантку, словно волна.

— В кустах лужа крови. Девушку убили. Надо немедленно звонить в район!

Крики не умолкали. Горное эхо дробилось о скалы.

— Они сильно напуганы. — Профессор ботаники решал, как ему, руководителю экспедиции, поступить в сложившейся ситуации — продолжать работу или возвращаться в аул. — Орут, что зверь завелся в горах. Хищник.

— Хищник? Но та, другая женщина была убита не животным, — аспирантка тревожно заглядывала в глаза своему учите-

лю. — Ее же нашли у источника, местные жители всегда берут там воду, и дикий зверь просто не мог так ее... Мы же сами видели тело!

— Они кричат — зверь в человеческом обличье появился здесь, на Домбай- Ульгене, — перевел он ей.

Над кукурузным полем и зарослями гигантских борщевиков кружили стервятники. Падальщики слетались на пир с Кавказских гор.

Глава 2

ПЕТЛЯ

Наши дни. Май. Подмосковье

Женщина с большой нагруженной сумкой на ремне, надетой через плечо, шла по лесной тропинке. Накрапывал майский дождик. Женщина застегнула до самого горла синюю ветровку, низко натянула на лицо непромокаемый капюшон. Впереди слышался шум федеральной трассы, до нее оставалось совсем немного. Женщина торопилась на рейсовый автобус. Местные жители обычно добирались из поселка до шоссе другим путем, но она всегда срезала здесь полкилометра — сворачивала напрямик на старую заросшую тропу, в густой подлесок, высаженный вдоль шоссе.

Женщина деловито пощупала сумку — не промокает ли? В сумке газеты, журналы. Рейсовый автобус, что ходит по расписанию, довезет ее до поселка у знаменитого дома-музея. А если опоздаешь на автобус, то шесть километров пешком брести через поля, рощу и садовые товарищества. А куда денешься? Работа есть работа.

Женщина бодро шагала и считала в уме деньги. Счастье, что за квартиру уплачено. Покупать себе что-то из одежды до осени она теперь, конечно, не сможет. Но она и раньше особо на барахло не тратила. Однако собиралась летом на распродаже с максимальной скидкой приобрести крепкие демисезонные ботинки — на распутицу. Но видно, не судьба. Даже и со скидкой... На еду у нее все же останется после коммунальных выплат и суммы, что она в сложившейся ситуации должна накопить. Но

не густо. А поесть... *пожрать* она любит! Ест вот и не жиреет, потому что нервов столько сейчас приходится тратить. Психика вся у нее издерганная... И работа, в общем-то, хреновая, тяжелая. Нелюбимая работа. Много времени в разъездах, в дороге. И ответственность. С чужими деньгами так всегда.

Самый больной вопрос с насущными тратами — покупка лекарств. Ей придется выбирать, что взять — в супермаркете куриные окорочка и селедку, обожаемую с детства, или в аптеке таблетки, без которых ей уже не обойтись. Таблетки ей врач прописал. Гречку проклятую она ненавидит, черный хлеб желудок ее не переваривает. Кашу есть? Да давится она этой чертовой пшенной кашей! И так варит только ее одну порой целыми днями последний месяц. А любит она колбасу докторскую, сосиски и...

Водочки бы купить... Водочки да селедочки... Как мамаша-покойница говорила...

Нет, она не алкашка. *Это он алкаш конченный, отморозок...* Но водочку и она употребляет. Когда два часа зимой на морозе в полумертвом Ухватове ждешь деревенский автобус, что вроде как ходит по расписанию, но не приезжает, дьявол, пропускает рейсы, как потом согреться, чтобы не свалиться с простудой?

Мерзкие бабки и деды из подмосковных деревень, ее подопечные... Как же она их порой ненавидит! Чтоб они все передохли, гнилушки, заедающие чужой век! Но с другой стороны, именно эти окостенелые старухи дают ей возможность заработать на кусок хлеба. Не было бы их, ее бы уволили из отделения. И куда идти работать? Швеей на фабрику? А шить она тоже ненавидит. Не желает. Она вольный человек, а не фабричная моль. Насмотрелась она в детстве, в юности на фабричных.

Водочки бы купить... Взбодриться прямо сейчас... Нет, нет, бухло не ее тайная страсть. Это все *он...* Ублюдок, змей поганый...

Одно только ей душу греет в ее безденежье, расстройстве, гневе и печали. То, что она честная женщина. Несмотря ни на какие обстоятельства — она честная. Она лучше от себя кусок оторвет, чем что-то украдет, прикарманит, присвоит. Так ее мамаша-покойница воспитала. Насчет чужого добра и бабла — ни-ни! Никогда! А водочки можно, даже нужно порой хлебнуть — но только на свои, кровные, заработанные гроши. И селедочкой с лучком закусить.

«Для нас, работяг, водка — тот же хлеб, — говаривала в подпитии мать — волочильщица по профессии на фабрике в Иванове. — Но мы, детка, — пролетариат, классовый гегемон! Честные люди».

Женщина шла по тропе среди зарослей. Дождь лил все сильнее. Капли дробились о белые зонтики высоких растений, выстроившихся как на параде вдоль тропы.

И внезапно справа из кустов бузины выпорхнула птица. Они в дождь почти никогда не летают, сидят на ветках, нахотлившись. Переживают ненастье.

Если только кто-то не вспугнет их...

С тревожным писком с деревьев сорвались еще две птицы. Женщина замедлила шаг, но не успела даже оглянуться.

Нападение на нее произошло молниеносно. Горло женщины захлестнула веревка. Ее рванули назад, одновременно подсекая сильным ударом ей ноги и затягивая петлю у нее на шее с жестокой неумолимой страшной силой. Она вскрикнула, вцепилась в веревку, но ее пальцы только скребли по ней, не способные уже ослабить петлю, что душила ее. Женщина хрипела, билась, пытаясь вырваться, из последних сил оглянуться назад, чтобы увидеть того, кто душил ее среди зарослей. Силы ее иссякали. Она уже не могла кричать, звать на помощь...

И вот она рухнула на землю, сминая кусты, ломая зеленые стебли, увенчанные белыми зонтами соцветий. Скрюченными пальцами она царапала траву, рвала листья, пачкая ладони в густом соке. На ее затылок наступили ногой в тяжелой обуви, безжалостно вдавливая ее лицо все глубже в траву, в раскисшую под дождем грязь, лишая ее последнего вдоха. И жизни.

Глава 3 ПЯТНО

Наши дни. Июль. Подмосковье

То, что она мертва, Клавдий Мамонтов понял сразу — ее посиневшее от удушья лицо, вытаращенные глаза и прикушенный в агонии язык являли собой ужасающую маску

смерти. Ее соседка все еще продолжала испуганно ахать, но ее дрожащий голос звучал все тише, глуше, потому что она тоже увидела все остальные детали.

Палки для скандинавской ходьбы валялись в траве, далеко отброшенные в сторону.

Концы веревки... Веревку запачкали землей — но только один ее конец. Второй оставался чистым. Петлю веревки туго затянули на шее женщины.

— Она задушена, — потрясенно констатировал Макар. — Ее убили.

Собачки ее соседки — два забавных йоркшира на шлейке, заливавшиеся истерическим лаем, внезапно стихли. А потом оба как по команде завыли и бросились прямо к мертвому телу в траве. Соседка едва удержала их. Они выли и рвались к трупу, словно ими вдруг овладело бешенство. Брат соседки перехватил поводок и рванул собачек назад.

— Осторожнее! Ты им шеи сломаешь! — крикнула соседка.

Клавдий Мамонтов от неожиданности и нелепости, жутко-го сюрреализма открывшейся их глазам мизансцены оцепенел. Боль в раненой руке стала нестерпимой. Видно, действие лекарства как раз закончилось.

— Что, черт возьми, здесь произошло? Кто с ней сотворил такое?! — спросил брат соседки, удерживая воющих йоркширов.

— Звоните немедленно в полицию, — тихо сказал соседке Макар.

Он был бледным, встревоженным, однако спокойным. Достал навороченный мобильный и быстро сделал несколько снимков трупа.

Соседка вытащила из кармана летних брюк телефон и позвонила.

Итак, соседка и ее брат... Всего каких-то полчаса назад, когда Клавдий Мамонтов и Макар приехали в дачный поселок Сарафаново и заблудились в нем, потому что там отсутствовали и номера домов, и названия улиц, а затем внезапно удача вывела их прямо к двум старым дачам на окраине возле заросшего буйным июльским разнотравьем поля, они встретили ее — эту незнакомку. Ее соседку.

«У Наташиной дачи в Сарафанове синий забор — она мне в телефонном разговоре все описала. И на нем старое граффити — абстракция. Еще Юра рисовал, ее муж, когда у него были силы. Забор приметный, так что найдете ее обиталище», — напутствовала их Вера Павловна — гувернантка и учительница маленьких дочек Макара.

Кружа по пустынным дачным улицам с высоченными глухими заборами, они в конце концов наткнулись на синюю ограду с полинявшими от дождей разноцветными граффити в виде пятен и линий. Вышли из внедорожника и начали сначала вежливо стучать в калитку. Затем окликать хозяйку. Но так и не дождались от нее ответа.

На их голоса из дачи напротив, скрывающейся за забором, выкрашенным суриком, вышла полная женщина лет пятидесяти в цветном сарафане с двумя йоркширами на сворке.

— Добрый день, — вежливо, галантно поздоровался с ней Макар. — Мы к Авессоломовым. Но никто нам не открывает.

— Вы к Наталье Эдуардовне? Только она не Авессоломова. А Гулькина. Авессоломов — фамилия ее покойного мужа, — ответила женщина с собачками. — Я ее соседка. Наталья Эдуардовна вас ждет? Вы к ней тоже в гости сегодня? И что же, ее дома нет?

— Нет. Стучим-стучим. — Макар развел руками, улыбаясь соседке. — Мы по делу приехали. И вроде договаривались с ней. Только немного припозднились.

— Так она, наверное, как обычно, после обеда отправилась прогуляться до речки, — ответила соседка. — Она увлеклась скандинавской ходьбой, палки себе купила. Показывала мне. Она на речку ушла.

— Не покажете нам, где у вас речка? — спросил Клавдий Мамонтов. — Может, мы ее там найдем? А то ждать у дачи непонятно сколько времени... Мы по делу к вашей соседке издалека приехали.

— Пойдемте, я вас провожу, я все равно собак выгуливаю. Здесь близко. А на машине, даже на вашем вездеходе, к речке не проедешь, — соседка смерила глазами высокого Клавдия Мамонтова с забинтованной рукой на перевязи и обернулась к приветливо улыбавшемуся ей Макару.

С ним она без умолку трещала о своих йоркширах, которых он похвалил, пока они, оставив машину, неторопливо брели через поле. Когда они его пересекли, на опушке рощи, обрамлявшей поле, появился мужчина крепкого сложения — в дачных шортах и промокшей от пота футболке. Он был обут в перепачканные землей кроссовки.

— Славно побегал? — окликнула его соседка. — Знакомьтесь, мой младший брат Денис.

Брат соседки помахал рукой и направился прямо к ним.

— Аня, а вы куда? Кто это с тобой? — спросил он, подбегая, вытирая с лица капли пота.

— Снова гости к Наталье Эдуардовне, — ответила его сестра. — Ты ее не встретил, когда бегал?

Ее брат отрицательно покачал головой. Фразе «снова гости» Клавдий Мамонтов в тот момент и значения не придал. Кто мог вообще предположить, что обычным июльским вечером в сонном подмосковном дачном поселке Сарафаново они столкнутся с *подобным*.

— Если ее нет на речке, она, возможно, дальше ушла со своими палками — к Мелихово. Она иногда и туда забредает, хотя далековато, сама мне хвалилась, — рассказывала Макару соседка. — В музей-усадьбу. Меня как-то раз на прогулку приглашала с собой. Но в тот день такая жара стояла. Да и сегодня прохлады никакой. Душно. Парит.

Она оживленно обращалась именно к Макару — видно, он, красавец блондин в белой льняной рубашке и брюках дорогой фирмы, действовал на нее возбуждающе. Ее женский энтузиазм не остался незамеченным и ее братом — тот перешел с бега на шаг и держался рядом. То ли ему стало любопытно — что за типы приехали к Гулькиной и чего им надо от нее, то ли не желал оставлять свою доверчивую сестру одну в компании двух незнакомцев.

Они вчетвером вошли в лес. Среди деревьев буйно разрослись кусты. В траве дачники проложили тропинки, а вокруг раскинулось зеленое царство — дикая малина, крапива, чертополох и здоровенные растения с толстыми стеблями и белыми соцветиями. Из дачного детства Клавдий Мамонтов помнил,

что они с мальчишками именовали их «дудниками». А может, у них имелось иное название? Он не вникал.

Внезапно маленькие собачки на шлейке, словно веселый горох катившиеся впереди них, остановились, замерли и вдруг залились бешеным истошным лаем.

В смятой траве и кустах что-то белело впереди.

А потом они увидели тело.

Женщина лежала на спине, раскинув руки, непристойно раздвинув ноги. В позе трупа было нечто нарочитое, неестественное, искусственное. Что сразу бросалось в глаза.

На шее женщины туго затянули веревку. Испачканный грязью конец вдавился в траву, в землю. Чистый конец веревки завели за ухо мертвой.

Одежду — футболку, дачные брюки, нижнее белье разорвали. Так в первый момент показалось Клавдию Мамонтову. Женщине обнажили тело — грудь и живот до самого лобка. Между обвисших грудей с коричневыми сосками красовалось большое пятно неровной странной формы.

— Что, черт возьми, у нее на груди?! — испуганно спросил Денис.

— Не подходи к ней! — его сестра вцепилась в его плечо. — Пусть полиция разбирается!!

Клавдий Мамонтов и Макар переглянулись. Макар тоже указал глазами на пятно. Навел камеру мобильного и снова все сфотографировал.

Клавдий Мамонтов с расстояния, отделявшего их от трупа, пытался лучше разглядеть пятно, у которого был алый контур. На коже внутри контура засохла какая-то слизь.

На голом дряблом животе задушенной женщины лежали увядшие пожухшие белые соцветия зонтичной формы. Одно из таких пожухших соцветий воткнули в угол рта покойницы рядом с прикушенным в агонии асфиксии языком.

Макар потрясенно созерцал мертвое тело. Затем набрал номер в одно касание.

Клавдий Мамонтов сразу понял, кому он звонит.

— Федор Матвеевич, здравствуйте, это я... Клавдий? Он ничего, лучше после клиники... Он здесь со мной. Федор

Матвеевич, мы сейчас с ним в Сарафанове. Я вам все позже детально расскажу, мы с Клавой по делу приехали... Здесь убийство! И... вообще дело дрянь. Словами долго описывать. Я вам снимки только что послал.

Макар звонил полковнику Федору Матвеевичу Гушину.

Пауза. Полковник Гушин, видимо, смотрел фотографии с места преступления.

Клавдий наклонил голову, чтобы попытаться услышать их беседу. Естественно, громкую связь Макар не мог сейчас включить.

— Сарафаново — это... Чехов? — уточнил Гушин.

— Не совсем, но не очень далеко от Мелихова, от усадьбы. Дачное место. Федор Матвеевич, вы приедете? — тревожно спросил Макар.

— Я приеду. Но мне часа полтора понадобится, чтобы добраться из Москвы, — ответил полковник Гушин. — Местную полицию вызвали?

— Да, уже.

— Вы с Клавдием одни там?

— Нет. Здесь еще двое свидетелей. Мы вместе, вчетвером на тело наткнулись.

— Значит, ваше положение лучше, чем я думал. Хорошо. Ничего не трогайте. И не суетитесь. Ждите меня. Кто эта женщина? Она вам знакома?

— Нет. То есть да... Вера Павловна ее отыскала, предложила нанять как педагога. Я вам все расскажу потом подробно, — Макар сбивчиво пояснял. — Мы с ней даже по телефону не разговаривали. Вера Павловна с ней общалась.

— Значит, труп обнаружен примерно в районе музея-усадьбы? Дорога есть поблизости? Автобусы ходят?

— Я не в курсе. Мы с трассы свернули по навигатору на дачную дорогу и ехали примерно километра четыре-пять. Вы сами приедете, Федор Матвеевич? — настойчиво повторил Макар.

— Я уже в машине, — ответил Гушин. — А вы с Клавдием дадите показания местным сотрудникам. Когда они вас отпустят, дуйте в поля, не маячьте на глазах у моих коллег, дожидесь меня. А потом вместе станем думать и решать.

Глава 4
ОСМОТР

Полковник Федор Матвеевич Гушин приехал в Сарафаново быстро, когда местные полицейские еще опрашивали Клавдия и Макара. Стражи порядка побеседовали с ними и соседями жертвы коротко — видимо, им уже поступили некие указания от Гушина и от собственного начальства. Первым на место убийства прибыл наряд полиции из Мелихова, охранявший чеховскую музей-усадьбу, затем появились эксперты-криминалисты и судмедэксперт. Никого из них Клавдий Мамонтов не знал. Он никогда прежде не посещал здешних мест. Раньше бы он непременно представился и вник в ход местных событий. Но теперь, после ухода из полиции, он не мог предпринять подобных шагов. Оставалось лишь ждать Гушина.

Полковника Гушина — шефа областного уголовного розыска местные полицейские традиционно побаивались. Однако после перенесенного тяжелого ковида и ранения, после месяцев лечения злые языки за его спиной поговаривали, что «Гушин уже не тот», сильно сдал и вообще его методы работы стали плохо вписываться в текущий мейнстрим. В качестве исполняющего обязанности замначальника главка областной полиции он теперь больше занимался аналитической бумажной работой. Однако не утратил своего прежнего редкого таланта — все дела, самые сложные и запутанные убийства, за которые Гушин брался, он раскрывал и не тратил на поиски преступника месяцы и годы, как другие менее удачливые его коллеги.

В Сарафанове полковник Гушин приехал на служебной машине с водителем и сразу же ее отпустил. И Клавдий Мамонтов сделал для себя вывод — в Сарафанове все затянется допоздна с осмотром и первичными разыскными действиями, а затем в Москву Гушин уже не вернется.

Участковый, спешно прибывший из соседней деревни, беседовавший с Клавдием и Макаром и соседями, старательно все записывавший, начал было витиевато докладывать Гуши-

ну — «очевидцы нашли совместно вчетвером бездыханное тело»... Гушин поздоровался с ним, кивнул.

— Эти двое свидетелей пусть пройдут со мной, у меня к ним вопросы. — Он показал жестом Клавдию и Макару — айда, пошли.

— Как чувствуешь себя? — спросил он Клавдия Мамонтова.

— Необычно, Федор Матвеевич. В роли гражданского свидетеля, — честно ответил Мамонтов.

— Я не об том. Как рука?

— В норме. Я в порядке.

Прежде вопросы про здоровье они с Макаром заботливо задавали полковнику. Но все поменялось с майских событий в Бронницах, когда Клавдия Мамонтова серьезно ранили при задержании¹. С Гушиным они с Макаром не виделись с конца мая. Клавдий Мамонтов отметил, что Гушин по-прежнему выглядит неважно: изможденный, усталый, не прибавивший ни килограмма — его поношенный костюм болтался на нем как на вешалке. Тяжелая болезнь, что оставила в его жизни столь страшный след, сильно изменила полковника.

Однако по первому их зову старший товарищ и учитель, которого они уважали и любили, явился несмотря ни на что.

— Как убитую женщину зовут? — задал новый вопрос Гушин.

— Наталья Эдуардовна. Вера Павловна думала, что у нее фамилия мужа — Авессоломова, так и нас уверяла. А соседка говорит — нет, она Гулькина. Выходит, наша Вера Павловна ошиблась, — сбивчиво начал пояснять Макар.

— Ты мне по телефону сказал — Вера Павловна ее знает? — уточнил Гушин. — Убитая ее подруга?

— Нет. Но они знакомы с юности, потом их пути разошлись. Федор Матвеевич, мы вам все подробно потом насчет них по полочкам разложим! — Макар уже не мог скрыть нетерпения и природного любопытства. — Вы видели на фотках, что с трупом сотворили? С чем же мы здесь столкнулись, а?

— Погоди, не торопи меня. Не егози, — Гушин нацелил на него палец. — И придержи язык при наших. Вы мне нужны здесь оба. И я конфликтовать с местными коллегами из-за вас

---

¹ Подробно эта история рассказана в романе Т. Степановой «Коридор затмений».

не могу. На их плечи основная часть разыскных мероприятий ляжет. Они мне тоже необходимы.

— Молчу, молчу, — Макар откинул со лба привычным жестом светлую длинную челку. — Но местная полиция, кажется, не представляет себе, что это не совсем обычный криминальный случай.

Они втроем направились к телу. Клавдий Мамонтов ловил на себе косые взгляды полицейских.

Возле трупа работали эксперты-криминалисты, судмедэксперт в защитном костюме; они поздоровались с полковником Гуциным. В подмосковной полиции его знали все. В сущности, он давно уже стал легендой.

Клавдий Мамонтов созерцал искаженное удушьем лицо мертвой женщины. Крохотные мошки вились над увядшим соцветием, засунутым ей в рот. Эксперт осторожно пинцетом извлек соцветие и упаковал в пакет. Руками в перчатках он собрал остальные белые пожухшие зонтики, что обильно усыпали голый живот жертвы.

Тело мертвой выглядело дряблым, высохшие груди походили на пустые винные мехи. Покойная отличалась небольшим ростом, хрупким телосложением, худобой. На вид ей — за шестьдесят. Седые волосы свои она не красила, выбрав короткую стрижку.

Рядом с трупом на полиэтиленовом пакете лежала горка предметов — связка ключей, мобильный и пачка сигарет.

— Личные вещи, — пояснил эксперт. — Достали из карманов ее брюк. Ключи, видимо, от ее дачи. Мобильный включен и в рабочем состоянии. Напавший ничего не взял.

— Задушил ее веревкой и разорвал на ней одежду. — Макар уже забыл об обещании молчать.

— Разорвал? — Полковник Гуцин наклонился над трупом. — Нет, здесь не разрыв.

— Одежда на потерпевшей разрезана. Футболка, трусы, летние хлопковые брюки, — эксперт-криминалист показывал жестами. — Лифчика она не носила, вместо него — спортивный синтетический бра. Он тоже разрезан.

Эксперт отвел в сторону ткань футболки и показал бра.

— Бюстгальтер так сшит, — Гуцин кашлянул, — что, даже разрезанный, грудь не обнажит. До тела надо дотрагиваться, чтобы... оголить все.

— Есть надежда на следы ДНК преступника, — эксперт кивнул. — То, что убийца манипулировал с трупом уже после смерти жертвы — однозначно. Нет никаких сомнений.

И он указал на цветы и пятно неровной формы на груди убитой.

Вблизи Клавдий Мамонтов его теперь хорошо разглядел. Альый контур. Но внутри кожа без повреждений, ссадин, синяков и покраснений. Зато на коже засохла какая-то белесая слизь. Второй эксперт-криминалист соскабливал ее с кожи, брал образцы.

— Сперма? — прямо спросил полковник Гушин.

Криминалисты и судмедэксперт переглянулись.

— Возможно, — подал голос судмедэксперт. — Но без исследований визуально не определить.

— Если сперма, то у нас в руках ДНК. Как только поймем подозреваемого... этого шизоида... Дело в шляпе, — бодро констатировал эксперт-криминалист.

Он был молод и самонадеян. Но работал старательно.

— Шизоид кровью начертил у нее на груди знак, — снова вмешался неугомонный Макар. — Вот вам и еще его ДНК.

Все члены оперативной группы воззрились на него — кто такой? Чего он лезет со своими выводами?!

— Свидетель ошибается, — тихо сказал полковник Гушин. И глянул на Макара. А затем и на коллег.

И все примолкли. Если шеф уголовного розыска не гонит в шею странного типа — по виду мажора, в белом льняном прикиде, и его верзилу-дружка с рукой на перевязи, значит, имеет какой-то свой расчет. Не спорить же местным деревенским полицейским с замначальника областного главка? Зачем нарываться на неприятности?!

— Кровь? — обратился Гушин к судмедэксперту. — Или краска? Губная помада?

— Маркер, скорее всего. Фломастер, возможно. Красный, — ответил судмедэксперт.

Клавдий Мамонтов вспомнил, как ему показалось в тот миг нечто важное, что поведала им еще дома в Бронницах Вера Павловна.

— У Гулькиной покойный муж был художник, Федор Матвеевич, — сообщил он.

— Среди вещей убитой есть красный маркер, фломастер или карандаш? — спросил Гушин.

— Нет, из карманов мы извлекли только это, — криминалист указал на горку личного имущества — ключи, мобильный, сигареты.

— Тогда ищите здесь, на месте убийства. Под телом или в траве, в кустах, — распорядился Гушин. — Возможно, он использовал то, что оказалось под рукой.

Часть полицейских медленно рассредоточилась по кустам. Шелестели, шуршали, осматривали траву, заросли. Обыскивали крапиву, лопухи.

Макар пристально созерцал пятно на груди жертвы. Он словно прикидывал что-то в уме. Или сравнивал?

— Какая причина смерти? — задал полковник Гушин самый главный свой вопрос, который намеренно откладывал.

— Механическая асфиксия, — бодро отрапортовал судмедэксперт. — Вся картина налицо, все признаки. Но у нее еще большая шишка на затылке.

Гушин надел резиновые перчатки, снова наклонился над трупом, и они с судмедэкспертом осторожно приподняли голову убитой, стараясь не нарушить общую картину. Гушин щупал ее затылок.

— Да, вы правы.

— Нападение на нее произошло сзади. Именно здесь. Труп не перемещали после смерти. Однако проводили с ним разные непонятные манипуляции, — докладывал судмедэксперт.

— Нельзя одновременно совершать два действия — оглушить сзади и душить веревкой, петлей, — спокойно возразил Гушин.

— Ее ударили по голове, а когда она уже падала, захлестнули горло веревкой.

— Фантастика, коллега, убийца же не сторукий истукан, — Гушин покачал головой. — Удавку на нее накинули уже в положении лежа. На одном конце веревки — земля, грязь. Вы как подобное объясняете?

— Я пока затрудняюсь с выводами, — судмедэксперт начал раздражаться.

И Клавдий Мамонтов понял, что с ним полковник Гушин дальше работать не станет, потому что спец не великого ума.